

ГЛАВА 7

Диалоги

МУЖЧИНА: Вы упоминали о пирамидах и храмах. Какие из наших современных достижений и памятников вы считаете величайшими?

КЭМПБЕЛЛ: Одним из величайших достижений, я считаю, была высадка на Луну. И, конечно, она произошла не потому, что люди стали спрашивать: «А в чем экономическая выгода от этого?» Если следовать по этому пути, экономика выигрывает, а духовность будет всякий раз проигрывать, и все вдохновение разом улетучивается, для меня по крайней мере.

Я думаю, что мир опирается на безумные идеи. От экономики тоже будет потом польза — вы можете на это рассчитывать. У нас на кухне есть много предметов, создание которых стало возможно благодаря космической программе, например металлы, на которых удобно готовить, и тому подобное. Но главное — это сила духа.

МУЖЧИНА: Как вы относитесь к статуе Озаркского Христа? (Смех) Там такое огромное распятие, и музыка играет, и проекторы на горе⁶⁴.*

КЭМПБЕЛЛ: Ну что же, кто-то хочет так выразить свои чувства. (Смех) Это прекрасно. Именно так и поступает художник. И он соответствует архетипическому образу. Но что это значит? Когда Апостол Павел говорит: «Я живу сейчас; не

* Имеется в виду монументальная статуя Христа у Юрика-Спрингс, в Арканзасе (где раньше обитал народ озарк, отсюда название). Дрaму «Great Passion Play», рассказывающую о последних днях Иисуса Христа, ставят в огромном амфитеатре Юрика-Спрингс на вершине холма для огромной аудитории.

я, но это Христос живет во мне» — это одно. Когда Христа воздвигают на холме — другое. Это серьезный жизненный выбор: что вы делаете с Христом, когда он является вам? Вы храните этот образ в сердце, чтобы он стал для вас движущей силой, или изображаете его на стяге и, подняв над головой, издаете воинственный клич?

ЖЕНЩИНА: Чем вы занимаетесь, господин Кэмпбелл? Каково ваше представление о Боге?

КЭМПБЕЛЛ: Знаете, так приятно отвечать на этот вопрос. «Господин Кэмпбелл, чем вы занимаетесь?» «О, я пишу и читаю на темы, связанные с мифологией». «О, как интересно. А я прочитал книги Томаса Буллфинча*, это тоже было увлекательно».

«Видите ли, — отвечаю я, — меня интересует мифология на более серьезном уровне. А вы верите в Бога?» «Ну да». «А Бог — это он или она?»

Алан Уотс** любил рассказывать историю о том, как один шустрый журналист спросил только что вернувшегося с Луны астронавта, видел ли тот на Небесах Бога. «Да, — ответил астронавт. — И это — чернокожая женщина»⁶⁵.

И вот я обращаюсь к моему собеседнику: «Итак, что вы думаете? Это — мужчина? Прекрасно. А он высоко вверху или глубоко внизу? А рядом с ним еще кто-то есть? Он совсем один? Это — разумная сила? Нравственный закон? Утверждение? Отрицание? Улучшение? Сознательное? Бессознательное?»

* Сборник мифов и легенд Томаса Буллфинча был создан в XIX веке и был успешным примером популяризации известных сказаний, мифов и легенд.

** Алан Уотс (1915–1973) — переводчик, редактор, философ. Опубликовал более двенадцати книг о сравнительной философии и религии. Сфера его интересов касалась интерпретации восточной мысли для Запада и, в частности, дзен-буддизма.

Персонифицированный бог? Безличная сила? Вы считаете, что он принципиально появляется только как существо мужского или женского пола?»

Конечно, в индийском культе Шакти* богиня играет главную роль. А в иудейском патриархальном культе главную роль играет Яхве. Вы можете задать себе все эти вопросы. В какие представления укладывается ваше представление о Боге?

Что касается меня, то Алан Уоттс как-то обратился ко мне в вопросе, какими духовным практиками я занимаюсь, и я ответил: «Я делаю подчеркивания в книгах».

Вот все, что я могу сказать по этому вопросу.

Лео Фробениус описывает замечательный ритуал у пигмеев, охотничьего племени в Конго. Фробениус совершил около двадцати экспедиций в Африку, и во время одной из них к нему присоединились три пигмея — двое мужчин и одна женщина. Когда у них закончились все запасы мяса, он обратился к ним: «Вы можете пойти и застрелить для нас газель?»

Те посмотрели на него с негодованием. «Вот просто так пойти и принести ему газель? Для этого нужно пойти и совершить все необходимые приготовления». Исследователь пошел за туземцами, чтобы подсмотреть, как они будут готовиться к охоте. И что же? Они поднялись на небольшой холм с голой вершиной, расчистили свободный клочок земли и нарисовали на нем газель. Потом всю ночь ждали, и когда утром взошло солнце, один из этих маленьких людей встал с луком и стрелой по ходу движения солнца и выстелил в изображение так, что стрела попала газели в шею. В то же самое время женщина воз-

* Культ включает в себя несколько ветвей, каждая — со своими учениями и ритуалами. В вершине и в начале Творения, согласно его мифологии, стоит Великая Богиня, супруга Шивы-Магадева, в образе которой слились представления мировой иллюзии Майи и материальной природы Пракрити.

дела руки вверх — вы можете увидеть подобные изображения на многих неолитических наскальных рисунках, где женщина стоит, подняв руки, а мужчина стреляет из лука. Потом они спустились и напали на след настоящей живой газели. Стрела пронзила ей шею.

Иными словами, пигмей не просто стрелял в газель, но делая это, выполнял веление солнца.

Вот так и работает ритуал — необходимо отождествить себя с тем, что происходит. Есть одна история — возможно, вы ее знаете — о самурае, чей господин был убит. Самурай, конечно, приносил ему клятву верности, и теперь его долгом было убить того, кто лишил жизни господина. И вот, преодолев множество трудностей, он наконец загнал своего врага в угол и уже собрался умертвить его своей катаной — японским мечом, символом доблести. Вдруг враг, разгневанный и напуганный, плюнул на самурая. Тот вложил меч в ножны и ушел. Почему он так поступил? Потому что поступок врага разозлил самурая, так что, убив его, самурай просто действовал бы из собственных, личных побуждений, а не по долгу, что испортило бы все дело.

Это очень напоминает эпизод охоты пигмеев. И пигмеями, и самураем движет миф. Вы действуете, руководствуясь соображениями не своей конкретной, личной жизни, а так, словно вы — жрец, который служит, так сказать, вселенской силе, которая действует вашими руками, и необходимо уравновесить себя с этой силой, при этом сохранив себя как личность.

МУЖЧИНА: Вы рассуждали о трансценденции дуализма, о мире противоположностей. Достижимо ли это в обыденной жизни?

КЭМПБЕЛЛ: Не существует в жизни ни одного явления, которое не обладало бы дуализмом и при этом не могло бы характеризоваться и как нечто целостное. Я бы сказал, что основной мифологический мотив заключается в том, чтобы помочь вам испытать то, что Юнг называет *coniunctio oppositorum* — един-

ством противоположностей. Так или иначе, они проникают друг в друга или могут существовать в состоянии прекрасного равновесия по отношению друг к другу — в состоянии танца. Удовольствие от парного танца заключается в том, что пара противоположностей приходит к гармонии.

Мне в связи с этим всегда приходит на ум игра в теннис. В теннис нельзя играть без сетки, которая разделяет площадку на две части. Если вы хотите утвердить свои позиции в теннисе, вам это удастся, лишь если вы постоянно будете находиться лишь с какой-то одной стороны в определенный момент времени. Но вы должны жестко вести себя по отношению к тому, кто находится с противоположной стороны сетки, иначе никакой игры не получится. Вам необходимо знать, какова ваша роль в этой игре, и находиться *там, где нужно*, но это не означает, что игрок на противоположной стороне не имеет такой же ценности, что и вы. Понимаете, что я имею в виду?

Может показаться, что мифы функционируют совершенно на ином уровне, но давайте поразмышляем над противоположностями, которые в них описаны. История Зигфрида и дракона Фафнира* — типичное низвержение дракона героем, преодолевающим границу. Он и дракон — две противоположности, но только вкусив драконьей крови и приняв в себя частицу драконовой сущности, герой может услышать пение птиц и понять, о чем их песня. Вы не сможете вступить в контакт с силой природы, частью которой являетесь и вы, и тот, другой, пока вы не приняли в себя как неотъемлемую часть то, что раньше отвергали, то, что казалось чуждым. Это связано с событиями вашей жизни — с вашей семьей, с вашим обществом, с вашей болью сердечной и тысячами естественных потрясений, которые унаследовала плоть человеческая, — и все это заставило

* Зигфрид (Сигурд) и Фафнир (Фафни) — персонажи скандинавского эпоса, средневековой германской эпической поэмы «Песнь о нибелунгах» и тетралогии Р. Вагнера «Кольцо нибелунга».

вас вступить на этот путь и отвергнуть тот, другой. Но у вас внутри сохранился связанный с ним потенциал. В психологии Юнга подчеркивается, что вам не обязательно *идентифицироваться* с другим, чтобы *ассимилировать* другого и признать, что он воплощает противоположный аспект вашей личности.

Единственные мифологические системы, в которых существует абсолютный дуализм, — те, что зародились на Ближнем Востоке под влиянием зороастризма. В них вы сталкиваетесь с представлением о боге света и боге тьмы, которые соперничают друг с другом, и благодаря этому соперничеству возник мир, в котором мы живем сейчас. Вам нужно выступать на стороне бога света против бога тьмы.

В других традициях существуют две силы, свет и тьма, добро и зло — как правая и левая рука одного сверхъестественного существа, которое трансцендирует эту пару противоположностей. Вы можете встретить намеки на это в Библии и других книгах, которые были созданы перед началом вавилонского изгнания, в результате которого иудеи познакомились с зороастрийским учением. В книге Исаии Господь говорит: «Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю все это»⁶⁶. Итак, существует Бог, который трансцендирует дуализм. И, Боже мой, он действительно ведет себя так, что соверши такое человек, его сочли бы злодеем. Например, в книге Иова Господь действует крайне жестоко — с человеческой точки зрения. В некоторые моменты, которые можно назвать *mysterium tremendam et fascinans* (минуты великие и ужасные), величие Господне наводит ужас и поражает одновременно. Обычно Яхве воплощает нравственное начало, разделяющее добро от зла. Но посмотрите на то, как он оправдывает свои действия по отношению к Иову, и вы осознаете, что эта сила существует за пределами представлений о морали.

Помните, что перед тем, как Адам и Ева вкусили плод, они ничего не знали о добре и зле. Фактически именно это знание

и есть Грехопадение. Поэтому если вы желаете войти в состояние Адама и Евы до Грехопадения, вам необходимо снова выйти за пределы добра и зла и знать, что добро и зло — лишь формы, через которые действует в пространстве-времени, как в теннисном матче, принцип, находящийся вне морали.

А если вы стремитесь утвердить собственное эго и его ценности таким образом, что это разрушает жизнь других людей, то вам тогда решать. Сказав себе «я нахожусь по ту сторону добра и зла и потому буду вести себя именно таким образом», вы превратитесь в опасного социопата. Но если вы были, так сказать, одомашнены, цивилизованны и вами движут не стремление к насилию и похоть, а любовь, то вы не можете не осознать, подобно Христу, что благодать Господня снисходит на правых и неправых, свет Господа сияет правым и неправым, и если вы хотите быть как Отец ваш в Раю — где бы этот Рай ни находился, — то должны признать, что ваше представление о праведном и неправедном не является окончательным приговором. Это вовсе не означает, что вы не должны отстаивать собственные ценности. Я имею в виду мистику войны: люди сражаются, и убивают, и умирают за свои ценности, понимая при этом, что их противник точно так же заслуживает оправдания перед лицом Господа.

Такова наша западная традиция; она заключена в словах Христа. Но вы должны понимать, что все эти глубокие вещи доступны для перевода на язык практический, язык морали — на «тебе должно» и «тебе не должно», которые годятся для общества и для людей, живущих жизнью в социуме. Сначала вы погружаетесь в жизнь общества. Потом вас увлекает мудрость жизни, которая несколько выходит за рамки обыденного.

В Эдеме с одним Адамом делать было нечего; ему было скучно, Богу было скучно, всему миру было скучно, пока Бог не вытащил, как это назвал Джойс, «подружку-антрекот» из ребра

Адама. Ребро отъяли, из одного сделалось двое, и жизнь, и само время начались с этой диады.

Поэтому меня так беспокоит кое-что из того, что я сейчас наблюдаю в жизни молодого поколения, тех, кому я преподаю, — например, идея унисекса: одинаковые прически, одинаковая одежда, одинаковые занятия. Напряжение исчезает. Я думаю, в жизни очень важно сохранять напряжение, не позволяя ему разрешиться, потому что жизненная сила питается этим напряжением. Электричество, которое отправляет наши голоса в телефонную трубку, обладает одновременно и положительным, и отрицательным зарядами: если бы не было этой полярности, то и эхо тоже не существовало бы.

Не важно, доминирует ли мужское над женским или женское над мужским — доминировать должно *coniunctio oppositorum*, соединение двоих.

Что, например, ценно в браке? Сам брак, Том или Джейн? Если Том считает, что самое важное — это Том, а Джейн считает, что это — Джейн, то у них не брак. Но если эти двое — при всем противостоянии, которое между ними существует, — могут сохранить мысль о том, что самое ценное — сам брак, который больше их противостояния, это уже хорошее начало.

Мой друг Генрих Циммер рассуждал об отношениях между мужчинами и женщинами как о творческом конфликте. Баланс заключается в напряжении, и это опять же похоже на игру в теннис. Неплохая аналогия. Понимаете, мяч летает туда-сюда, и каждый игрок постоянно сражается, это и делает игру хорошей. Но если вы выйдете из себя, рассердитесь и начнете драться всерьез — у вас не будет получаться уже не так хорошо, как получалось, пока вы помнили, что это всего лишь игра, делая все для того, чтобы укреплять свою позицию, но не забывая о партнере на противоположной стороне.